

День первый, день последний

Как сейчас помню канун войны. В старом здании районного Дома культуры выступал ленинградский лектор. Народа был полон зал. Все внимательно слушали рассказ о международном положении. Никого не удивили слова лектора о том, что в скором времени возможно развязывание фашистами войны против нашей страны — так в то жаркое лето была накалена обстановка в мире.

...Утром 22 июня радио передало речь В. М. Молотова. В то время я была дома одна. Вскоре мне принесли повестку из военкомата: надлежало явиться туда немедленно на инструктаж по выполнению ответственного партийного задания. В военкомате, куда я поспешила, уже собралось несколько коммунистов. Военный комиссар сообщил нам о поручении: помочь в проведении мобилизации, в отправке на призывные пункты военно-обязанных. Затем вручили запечатанные пакеты с адресами и фамилиями мобилизованных и дали час на сборы.

Мне достался Чуровский сельсовет. Я была горда этим поручением, но боялась: а что, если не выполню. Но в сельсовете меня уже ждали депутаты и активисты. Передала пакет председателю сельсовета; мы обсудили с ним план проведения мобилизации в селе Чуровское и в ближайших деревнях, затем направили членов сельсовета

с повестками к военно-обязанным.

Тем временем в центре Чуровского соорудили трибуну, начался митинг. Выступил председатель сельсовета, активисты, было предоставлено слово и мне. Не знаю, откуда появилась смелость, раньше почти никогда не выступала перед народом. Но все получилось хорошо, говорила убедительно, взволнованно. Мобилизованные поклялись верно служить своему социалистическому Отечеству, не жалея сил и самой жизни.

Пробыла я в Чуровском три дня: мы отправили на лошадах и машинах всех мобилизованных в Шексню к поезду на Вологду. И что меня удивило, даже порадовало: не было сильного плача жен, матерей, провожавших на войну своих мужей и сыновей. Все женщины стойко сдерживали слезы, а уходящие на фронт были серьезны, строги.

А дома старший сын Николай (ему еще не было и 18 лет) заявил, что и он теперь мобилизован, уезжает с товарищами по школе на призывной пункт в Вологду. Я его не удивляла (знала, что и раньше мечтал он быть военным), только тоскливо сжалось сердце. После окончания шестимесячных курсов младших офицеров сын был направлен под Ленинград. В 1942 году шли жестокие кровопролитные бои на Синявинских болотах. В одном из боев,

22 июля 1942 года, Николай был убит...

Боль утраты затихала в работе — неустойчивой, всепоглощающей. Мы, учителя, занимались с ребятами в три смены, с 8 утра до 11 вечера. Все здания школы, за исключением одноэтажного, где располагались начальные классы, были отданы военным госпиталям. Мы разместились в двухэтажном здании (сейчас там РПУ бытового обслуживания). А как школьники учились! Вопрос о дисциплине не стоял, неуспевающих не было. Школьники ходили в госпитали, помогали раненым, писали письма их родным, декламировали стихи. Несмотря на материальные трудности, старались помочь фронту: собирали посылки, теплые вещи, шили белье для госпиталей, распространяли Государственные займы.

И вот наступило 9 мая 1945 года. В этот день, как и 22 июня 1941 года я была дома одна. Сообщение по радио о капитуляции фашистской Германии вызвало у меня радостные слезы: конец мученьям, горю, слезам советских людей.

А на улицах Шексны — море человеческого ликования: люди пели, плясали, обнимались.

Сорок лет минуло с того радостного дня. Но было это, как будто вчера.

Т. ШИРМАНОВА,
ветеран труда.

Пос. Шексна.